

Цеханович Александр Николаевич

Темный Петербург

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич Ц.**
Темный Петербург / Цеханович Александр Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 485 с.

ISBN 978-5-521-29563-0

ISBN 978-5-521-29563-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вотъ кто-то дѣйствительно подошелъ къ стеклу и въ ту же минуту франтъ обратился къ приказчику.

— Да, я эту возьму, она мнѣ нравится. Сколько она стоитъ?..

Приказчикъ не успѣлъ отвѣтить, какъ дверь отворилась и въ магазинъ вошелъ мальчишка лѣтъ двѣнадцати, одѣтый въ мѣховое купеческой складки пальто и каракулевую шапку.

— Пяленька просили,—обратился онъ къ приказчику,—не будетъ-ли у васъ рублевокъ... на...

Онъ полѣзъ въ карманъ, но вдругъ, увидѣвъ господина, продолжавшаго позировать передъ зеркаломъ, пробормоталъ:

— Экая рожа!..

— Что?! Что ты сказалъ? — вскрипѣлъ господинъ. Повтори!—подступилъ онъ

Парнишка моментально стрикнулъ къ двери и, отворивъ ее, дѣйствительно повторилъ:

— Рожа! Рожа!—послѣ чего скрылся.

Господинъ не выдержалъ и бросился за нимъ. Приказчикъ, выскочивъ за дверь, видѣлъ, какъ они оба побѣжали направо и скрылись въ переулкѣ.

Все это было такъ неожиданно, такъ мгновенно, что никакъ нельзя было сразу сообразить, что старая шляпа, оставленная на прилавкѣ, безвозмездно замѣнилась новою на головѣ предприимчиваго петербургскаго мошенника. А свернувъ въ переулокъ и понимая, что преслѣдовать никто не догадается, по крайней мѣрѣ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, мальчишка и франтъ сошлись и наскоро подрядили извозчика, который погналъ крупной рысью.

— Спасибо, Тришка,—послѣ короткаго молчанія,

сказалъ владѣлецъ новаго цилиндра,—только смотри „нашимъ“ объ этомъ ни гу-гу!.. Понялъ?

— Понялъ? — отвѣчалъ мальчишка и тотчасъ же спросилъ,—а мнѣ что же за это будетъ, Петръ Васильевичъ?..

Франтъ нагнулся и шепнулъ на ухо.

— Сегодня ночью послѣ „разборки“ увидишь!

— Э, нѣтъ, братъ,—тоже шепотомъ отвѣчалъ мальчишка,—чего видѣть... Вижу-то я давно, да только по усамъ течетъ, а въ ротъ не попадаетъ, а ты общай!

— А я какъ могу общать? Коли успѣшно будетъ, ну, конечно, подарю, а вдругъ и самого Якова „злапали“, наше вѣдь такое дѣло,—добавилъ франтъ уже совсѣмъ еле слышнымъ шепотомъ.

— Ну, ладно! — недовольнымъ тономъ отвѣтилъ мальчуганъ и, замолчавъ, сталъ задумчиво глядѣть въ бокъ, гдѣ убѣгая искрились примятые комья снѣга.

По мѣрѣ движенія впередъ улицы дѣлались все малолюднѣе. Вотъ ужъ газъ смѣнили тусклые песковскіе фонари, вотъ и они порѣдѣли, когда извозчикъ свернулъ по Таврической, и не будь яркаго луннаго свѣта, бросающаго накосъ длинную черную тѣнь ѣдущей группы, было бы совсѣмъ темно.

Въ концѣ на углу Шпалерной сѣдоки отпустили извозчика и пошли пѣшкомъ. Тришка, очевидно недовольный Петромъ Васильевичемъ, шелъ нѣсколько поодаль и впереди.

Оба они молча свернули въ два переулка и, наконецъ, очутились на длинной кривой улицѣ, гдѣ фонарей уже совсѣмъ не было. Узкая и стѣсненная съ обѣихъ сторонъ заборами, она походила на щель. Лучи мѣсяца, однако, освѣщали ее настолько достаточно,

что по петѣневой сторонѣ можно было двигаться впередъ безъ всякаго труда.

Петръ Васильевичъ-же и Тришка не нуждались, очевидно, и въ этомъ освѣщеніи. Быстро пройдя заборы, они остановились передъ деревяннымъ домикомъ, какъ разъ посерединѣ улицы. Онъ казался нежилымъ со своими заколоченными ставнями и безмолвнымъ, запущеннымъ дворомъ.

Но опытный глазъ тотчасъ могъ замѣтить, что эта развалина далеко не лишена аборигеновъ. Въ узенькую щель ставни, около петли, видѣлась полоска яркаго свѣта и слышался неясный многозвучный шумъ.

Войдя во дворъ или, вѣрнѣе, на пустопорожнее мѣсто, когда-то арендовавшееся подъ огородъ, мимо свалокъ лѣса и какихъ-то кадокъ, путешественники наши вошли подъ низенькій навѣсъ и скрылись за клеенчатой дверью, въ темныхъ внутреннихъ сѣняхъ. Направо была лѣстница въ мезонинъ, откуда неслись тихіе, плачущіе звуки цитры. Они мѣшались съ шумомъ голосовъ, доносившихся откуда-то.

— Это она играетъ? — спросилъ Петръ Васильевичъ.

— Она, — отвѣтилъ Тришка.

— Ты видѣлся съ нею сегодня?

— Видѣлся.

— Давно?

— Часа четыре назадъ.

— Не знаю, — угрюмо буркнулъ мальчуганъ и распахнулъ дверь, за которой слышались голоса.

Комната была большая, но низкая, съ законѣлымъ потолкомъ. Она освѣщалась тремя лампами, вокругъ каждой сидѣла группа людей, самыхъ разнохарактерныхъ нарядовъ и фізіономій. Всѣ они были погружены въ старательную работу. Одни чистили что-то, другіе штопали, третьи визгливо шаркали напильникомъ или стучали.

Около каждой изъ группъ на столѣ лежала груда самыхъ разнообразныхъ вещей. Тутъ были части одежды, бѣлья (по большей части платки), золотыя и серебряныя вещи, домашняя утварь и обувь. Словомъ, это въ миниатюрѣ былъ тотъ толкучій „развалъ“, которымъ искони славится одинъ изъ дворовъ Александровскаго рынка.

Поодаль отъ всѣхъ на продавленномъ кожаномъ диванѣ полулежалъ толстый пестробородый еврей, съ клювообразнымъ носомъ и выпуклыми сѣрыми глазами, что въ общемъ дѣлало его очень похожимъ на филина. Онъ степенно поглаживалъ свою широкую лысину и говорилъ что-то стоявшему передъ нимъ.

Но прежде чѣмъ сообщить читателю суть ихъ бесѣды, мы должны остановиться немного на описаніи наружности и возможно короткой характеристикѣ человека, стоявшаго передъ диваномъ. Несмотря на свои далеко уже немолодые годы, это былъ изящно сложенный и весьма красивый блондинъ. Липо его, хотя и обрюзгшее, было полно энергіи и рѣшимости. Въ особенности хороши были темные, каріе глаза, блестящія искрами какой-то внутренней силы.

При взглядѣ на его чисто и почти изящно одѣ-

тую фигуру, нельзя было сомнѣваться, что этотъ человекъ не родился для проживанія въ этомъ полуразрушенномъ домишкѣ на окраинѣ Петербурга. И жесты и мягкій бонтонный тембръ его голоса, все подтверждало эти догадки, заставляя невольно задуматься надъ вопросомъ: для чего и какъ этотъ человекъ попалъ сюда?

Но объ этомъ послѣ.

Грязная дверь, ведущая въ сосѣдную комнату, открылась и на порогѣ ей показалась полная, красивая еврейка, еще молодая, но уже съ тѣмъ специфическимъ выраженіемъ лица, которое характеризуетъ женщинъ этой націи въ тотъ періодъ, когда онѣ вступаютъ на почву коммерческихъ предпріятій безъ всякаго разбора ихъ качества. Она вошла медленно и, дѣловито наморщивъ брови, встрѣтила снисходительнымъ кивкомъ вошедшаго Петра Васильевича. Въ этомъ жестѣ видно было, что она чувствуетъ себя хозяйкой дома.

Затѣмъ она подошла къ собесѣднику разваливагося еврея и шепнула ему.

— Поди-ка, Борисъ, на минуточку... что я тебѣ скажу...

Изящный господинъ тотчасъ-же повиновался и ушелъ вслѣдъ за ней въ сосѣдную комнату. Комната эта была значительно меньше первой, хотя убранство ея поражало своей комфортабельностью, почти роскошью, если принять во вниманіе ту трущобу, среди которой оно являлось оазисомъ.

На двухъ окнахъ были кисейныя занавѣски, украшенныя наверху короткими портьерами. Дверь и

эта и другая, ведущая еще въ какую-то комнату, тоже имѣли портьеры. Вокругъ стояла мягкая мебель. На столѣ передъ диваномъ весело и ярко горѣла дорогая бронзовая лампа, а въ глубинѣ сквозь распахъ перегородки виднѣлась широкая постель съ грудой подушекъ.

Сосѣдняя комната была совсѣмъ крошечная. Тамъ стояли письменный столъ, кресло и широкій турецкій диванъ да платяной шкафъ въ углу.

— Что тебѣ, Вѣра?—спросилъ блондинъ не то раздражительно, не то озабоченно.

Ту, которую онъ называлъ Вѣрой, на самомъ дѣлѣ звали Ревекой; но всѣмъ извѣстно, что евреи, а въ особенности еврейки весьма склонны мѣнять свои имена на христіанскія, которыя имъ весьма основательно кажутся красивѣе и звучнѣе.

— Ты хочешь имѣть эту вещь для дочери?—лукаво спросила еврейка, показывая золотой медальонъ. Смотри, какой онъ толстый—восемнадцать золотниковъ.

Блондинъ взялъ въ руки предлагаемую вещь и, внимательно разсмотрѣвъ, сказалъ:

— Что-жъ? Отдай ей сама.

— Она не возьметъ отъ меня.

— Отчего?

— Да, вѣдь, ты знаешь, она меня не любитъ.

Лицо блондина покрылось странной тѣнью. Онъ провелъ рукой по лбу и задумчиво уставился на огонь лампы, продолжая машинально вертѣть въ рукахъ медальонъ.

И вдругъ въ это время къ тихимъ аккордамъ цитры, которые явственно доносились сюда сверху, при-

соединился молодой, гибкій голосъ. Онъ пѣлъ какой-то старинный романсъ.

На дальней, дальней улицѣ
Стоитъ угрюмый домъ,
Съ высокой, темной лѣстницей,
Съ завѣшеннымъ окномъ...

.

Тоскливые звуки тихо таяли гдѣ-то наверху, то отдѣляясь отъ аккордовъ струнъ, то вновь соединяясь съ ними.

Изящный господинъ низко опустилъ голову, лицо его поблѣднѣло, а въ крѣпко сжатыхъ скулахъ видно было усиліе, которымъ онъ старался придать лицу холодное и безстрастное выраженіе.

Ревека пристально глядѣла въ его лицо жаднымъ, пытливымъ взглядомъ, и онъ чувствовалъ на себѣ этотъ страшный, огненный взглядъ, но не могъ ни двинуть, ни сказать ничего... полный непоборимаго раздумья.

А пѣсня наверху звучала еще призывнѣе, еще тоскливѣе.

II.

Въ чемъ тутъ дѣло!

Нѣсколько лѣтъ назадъ, т. е. такъ десятка полтора, собесѣдникъ Ревекки, Борисъ Ивановичъ Сумскій, имѣлъ на плечахъ всего какихъ нибудь тридцать два года и занималъ блестящее положеніе въ лучшихъ салонахъ столичнаго mond'a.

Это былъ красивый, ловкій кавалеристъ, усы и

шпоры котораго оказывали ему свои благодѣтельные успѣхи: первые въ области женскаго спорта, а вторые въ мазуркѣ. По характеру это былъ весельчакъ и добрый товарищъ. Дитя своей среды, онъ былъ весъ проникнуть ея несложными нравственными тенденціями и, благодаря упомянутымъ качествамъ, былъ всюду принимаемъ и любимъ.

Давно распатанные дѣла фамиліи Сумскихъ рухнули при немъ окончательно. Но и въ руинѣ всегда найдутся предметы, которые можно обратить въ деньги. И онъ обращалъ. Бѣшено занимал направо и налево, подѣ существовавшія когда-то, но нынѣ несуществующія обезпеченія, Сумскій вскорѣ дошелъ до фатальной грани, за которой прямо и непосредственно начиналась голодная минута.

Въ такіе моменты иные люди пускаютъ себѣ пулю въ лобъ, а другіе получаютъ двойную привязанность къ жизни и рѣшимость идти на зло и наперекоръ всему, не исключая здраваго смысла. Борисъ Ивановичъ рѣшился на послѣднее. Его веселый и беззаботный способъ міросозерцанія никакъ не примирился съ мрачнымъ сознаніемъ необходимости смерти, взамѣнъ срама и униженія. Это была своего рода философія.

По выходѣ изъ полка, онъ задумалъ жениться; мысль эта была послѣднимъ исходомъ. Выбирать долго не было времени: голодъ хохоталъ надъ самымъ его ухомъ. Какъ-то подвернулась дочь мелочнаго торговца, бывшего вахмистра полка, въ которомъ онъ служилъ, и партія состоялась.

Началась новая жизнь, вдали отъ круга, среди котораго онъ родился. И вотъ въ душѣ Бориса Ивановича стала нарастать злоба на тотъ кругъ, откуда

онъ былъ выброшенъ такъ постыдно и такъ незаслуженно. Вѣдь богатые предки его держались же въ немъ сотни лѣтъ, жили же они весело и беззаботно съ тѣмъ, чтобы передать расплату за все это въ руки его, послѣдняго изъ Сумскихъ.

Ага! Коли такъ! Если это прямая несправедливость судьбы, то онъ готовъ на борьбу за жизнь.

И вотъ, опускаясь все ниже и ниже, Борисъ Ивановичъ завелъ „особыя знакомства“, или, проще говоря, погрузился съ головою въ тотъ темный петербургскій омутъ, откуда уже нѣтъ возврата. Онъ началъ участвовать въ различныхъ темныхъ спекуляціяхъ, потомъ попробовалъ на этомъ поприщѣ лично свои силы и, видя блестящую удачу, пересталъ даже жалѣть о прошломъ. Онъ жилъ, чтобы жить. Ему нравилась процедура жизни и, какъ онъ самъ выражался, было интересно, что дальше будетъ.

А дальше шли такія постепенности: лавка вахмистра прогорѣла, онъ спился и умеръ; затѣмъ умерла его чахоточная дочка, оставивъ семилѣтнюю Олю въ тотъ моментъ, когда послѣ трехгодовой разлуки съ мужемъ, вслѣдствіе ссоры, она не знала даже, гдѣ онъ находится. Слышала она только (и то такъ, мелькомъ), что онъ живетъ съ какой-то еврейкой, дочерью торговца. Слышала, что эта еврейка считается первой красавицей среди своихъ, но эти извѣстія даже не волновали бѣдную больную и забитую женщину.

Радовало ее только одно обстоятельство и утѣшило въ послѣднія минуты, что Борисъ Ивановичъ, несмотря на всю низость своего паденія, видимо, любилъ дочь, потому что весьма часто посылалъ ей подарки, а иногда заѣзжалъ и лично. Въ эти заѣзды она наблюдала за

нимъ и ея простое сердце подсказало ей, что въ глазахъ мужа, устремленныхъ на малютку, свѣтилось искреннее чувство.

Это была большая несообразность въ болѣе или мѣнѣе цѣльной натурѣ Бориса Ивановича. Любовь къ дочери у этого человѣка была какая-то странная. Это не было обыкновенное родительское чувство, а скорѣе что-то вродѣ благоговѣйнаго обожанія.

Въ тѣ минуты, когда онъ ласкалъ или говорилъ съ дѣвочкой, казалось, вся душа этого погибшаго человѣка таяла какъ снѣгъ въ лучахъ весенняго солнца и дѣлала его такимъ, какимъ бы онъ могъ быть при другихъ обстоятельствахъ, при другихъ условіяхъ своего духовнаго воспитанія.

Въ день смерти матери Оли, онъ неожиданно явился, словно изъ земли выросъ. Была-ли это простая случайность, или онъ не покидалъ ни на часъ бдительнаго надзора надъ уголкомъ, къ которому тяготѣли его лучшія чувства,—рѣшить трудно. Явился онъ блѣдный и встревоженный.

Поцѣловавъ покойницу и тихо плачущую дочь, онъ подошелъ къ окну и долго-долго глядѣлъ на трубы домовъ и на клочекъ грязно-сѣраго неба, виднѣвшіеся въ окно.

По лицу его пробѣгали тѣни раздумья. О чемъ могъ думать онъ въ ту минуту? Какалъ борьба происходила въ душѣ этого человѣка и чѣмъ она закончилась,—пусть останется его тайной. Но странно было то, что на глазахъ его виднѣлись слезы и нервночески тряслась нижняя губа.

Впрочемъ, мнѣ указывали на злодѣя, совершившаго подъ-рядъ нѣсколько убійствъ, который зарыдалъ па-